

В КРУГУ СЕМЬИ

● Откровенный разговор Гусев В.

ЖИВЕТ РЯДОМ ЧЕЛОВЕК...

«Чем больше слушал Николай старого солдата, тем больше удивлялся. Сколько же человек пережил и ведь все хорошее и доброе сохранил в себе!»

НОВЫМ своим знакомым Николай Лемехов попал совершенно случайно. Привел его к старикам Ниловым Миша Светов — друг детства, встреченный Николаем по дороге домой в ту самую минуту, когда на душе у него кошки скребли. Не давала покоя размолвка с главным инженером — его непосредственным начальником. Пойти на компромисс? Но Николаю не хотелось этого делать.

Узнав о его неприятностях, жена Ася также не поддержала бойцовского настроения Николая и посоветовала бросить «донкихотствовать». И Николай все больше стал подумывать о собственном покое: «Пусть ставят любое оборудование. Не мне отвечать — главному инженеру».

Вот тогда-то и встретил Николай друга Мишу Светова. Разговор вначале получился сумбурным, но Светов понял настроение Николая и предложил:

— Пошли со мной. Посидим, поговорим.

— В пивную, что ли?
— Ну зачем же? В таких случаях, как твой, пивная плохой помощник. К дяде моему потопаем, не пожалеешь.

...В просторной квартире Ивана Александровича Нилова было светло и уютно. На стенах висели акварельные рисунки и две картины, написанные маслом. На одной изображена речушка в зарослях ивняка, на другой — поле, а за ним деревенька. Сразу становилось ясно при взгляде на картины, что написаны они не профессиональным художником, но были своеобразны и милы.

Иван Александрович — высокий, коренастый, седой старик в темных очках — приветливо принимал гостей. Вначале Николай ничего особенного не заметил ни в облике, ни в движениях Нилова, и потому очень удивился, когда узнал, что тот слепой.

Жена Нилова, Надежда Петровна, внесла сверкающий самовар, пригласила:

— Присаживайтесь, дорогие гости, порадуйте нас Сын-то в Мурманске

раз в год приезжает. Мы не жалуемся, не думайте... Пока сами в силе, он пусть вдалеке поработает. Молодым большие дела положено делать.

Ниловы понравились Николаю. Больше того, ему вдруг показалось, что он с ними давным-давно знаком. В их квартире было развешано и расставлено все раз и навсегда. Дивану, магнитофону, книжному шкафу было отведено навечно свое место, чтобы Иван Александрович всегда чувствовал себя уверенно. Вот зазвонил телефон, и он направился к аппарату, легко обходя и стол, и диван. Нилов начал говорить, и Николай понял, что речь идет о какой-то квартире.

— Нет, нет, — говорил Иван Александрович. — Симонову в первую очередь надо предоставить жилье. Мы проверяли его условия. Ребятишки маленькие и притом — трое. Да, я сам схожу в райсовет, поймут меня...

Надежда Петровна объяснила Николаю:

— Мой дед до сих пор работает на предприятии общества слепых. Правда, работу дома в основном делает. Но и на предприятии часто бывает — в профкоме он председателем жилищной комиссии, неутомимый. Всю жизнь хлопочет...

Николаю хотелось узнать, где же Николай Александрович потерял зрение. Но случилось так, что Нилов начал рассказывать о войне, о том, как в сорок третьем под Сталинградом в бою был ранен: вражеская пуля, попав в стойку прицела пулемета, брызнула осколками...

— Так для меня и закончилась война. Больше всего мне запомнилась физическая тяжесть, которую испытывал на фронте. Не поверите, даже сейчас порой ощущаю на своих плечах станину пулемета. «Война — тяжелая работа». Так, кажется, сказал поэт. Умевшие хорошо воевать и урон врагу приносили большой, и в живых оставались чаще. В книгах о войне нередко пишут об исключительных случаях. Обо мне тоже писали. Говорили, что на фронт я

пошел, отказавшись от брони на заводе, чтобы отомстить за убитого брата. Да, это правда, но далеко не вся. Немцы подходили к моему родному Дмитрову, и я пошел навстречу врагу.

Чем больше слушал Николай старого солдата, тем больше удивлялся. Сколько же человек пережил, а все хорошее и доброе сохранил в себе! А Надежда Петровна... Ведь когда Иван Александрович ослеп, он не сообщил об этом из госпиталя ни родным, ни знакомым. Надежде Петровне считал вообще не вправе сообщать о своей беде: их

дружба только — только зарождалась, когда ему пришлось идти на фронт. Но надо же, узнала все-таки от кого-то, нагрянула в госпиталь и привезла Ивана Александровича домой.

— Чьи же это рисунки на стенах? Неужели ваши? — спросил Николай.

— Так ведь я с детства любил рисовать, — вздохнул Иван Александрович. — Может, и художником стал бы, если не ранение...

— Он и сейчас своему увлечению предан, — поддержала Надежда Петровна. — С племянницей нашей — она искусство

вед — на многие выставки ходит. Она рассказывает о картинах, а он их словно живыми представляет...

Странное чувство испытывал Николай, слушая Ниловых. И восхищение, и глубокое уважение, но ничего от жалости. Иван Александрович вдруг заговорил о своей родной деревне.

— Ведь у нас с тобой, Миша, там еще родственники проживают. Навестить недурно. Ах, знали бы, Николай, какая там замечательная речка и сосновый бор! Давайте всей честной компанией нагрянем!

— А что? — загорелся Миша. — И нагрянем!

Уже чуть ли не в полночь приятели покинули стариков.

— Спасибо тебе, Михаил, за этот вечер. Скажи, неспроста ты меня привел сюда?

— Как хочешь считай... Но только на тебя смотреть было жалко. Стоишь такой большой, здоровый и хнычешь. А что до вечера, то он самый обыкновенный. Я у дяди часто бываю.

— Ты знаешь, с кем я себя сравнивал, когда смотрел на твоих красивых, удивительных стариков? С пуганой вороной, которая куста боится! Что ж это такое? Инвалид, уже старик, живет полной жизнью, сумел пройти через все испытания, не поступившись ни жизненным, ни своими принципами. А я, молодой, здоровый мужик, пасую перед небольшим препятствием. Завтра же пойду к директору завода и выскажу свою точку зрения. Еще посмотрим, чья возьмет... Слушай, а в деревню вашу и правда недурно бы махнуть. Этим летом и отправимся.

В. ГУСЕВ.